

[...явление]...

УДК 008
ББК 87.0

Т.А. АКИДИНОВА

ХАРАКТЕР НАЦИИ КАК НАСЛЕДИЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Рассматривается экранизация рассказа Василия Гроссмана «Дело было в Бердичеве» с точки зрения осмысления кинорежиссером А.Я. Аскольдовым характерных сюжетов гражданской войны, раскрывается значимость понимания традиций иудейской и христианской культур для их адекватной интерпретации. Автор обосновывает постановку проблемы формирования национального характера как культурного наследия. В статье показано также, что история европейской культуры была в существенной мере задана эволюцией христианства, и успешное развитие русского национального характера сегодня полагает необходимость сближения православия с католицизмом и протестантизмом, как это обосновал Вл. Соловьев в работе «О христианском единстве».

Ключевые слова: нация, наследие, национальный характер, культурная традиция, иудаизм, христианство, православие, католицизм, протестантизм.

Фильм режиссера Александра Аскольдова «Комиссар» был снят в 1967 году по рассказу Василия Гроссмана «Дело было в Бердичеве». Главные роли исполняли Нонна Мордюкова и Ролан Быков, музыку к фильму написал Альфред Шнитке, оператором был Валерий Гинзбург. Казалось, фильм был обречен на успех. Однако после просмотра советскими идеологами он был запрещен к показу и должен был быть смыт с пленки. Аскольдова уволили с киностудии с записью в трудовой книжке «профессионально непригоден».

Рискуя тоже потерять работу, кинорежиссер Сергей Герасимов спас фильм, спрятав его у себя в сейфе. Прошло более двух десятилетий, прежде чем картина вышла на экраны, и едва появившись, стала получать престижнейшие призы по всему миру. И в России, и за рубежом (во Франции, Германии, Португалии, Израиле, США) фильм награждали за лучшую режиссуру, за лучшее исполнение главных ролей и ролей второго плана (Василий Шукшин и Раиса Недашковская), за лучшую музыку, за лучшую операторскую работу. За роль комиссара Нонна Мордюкова была включена Лондонской энциклопедией в десятку лучших актрис XX века.

Чем же фильм при своем появлении так возмутил советскую власть и почему его так высоко оценила мировая кинематография?

Сюжет кинокартины чрезвычайно прост: женщина — комиссар красного полка, расквартированного в небольшом городке, забеременела и на время беременности и родов поселилась в доме одного из горожан. Когда красные вынуждены были отступить из города, она ушла вместе с полком, оставив у квартирных хозяев грудного сына.

Гнев партийных чиновников, несомненно, вызвал моральный облик комиссара, очень невыгодно контрастиру-

ющий с сердечной атмосферой приютившей ее еврейской семьи. Этот идеологически пристрастный взгляд не позволил им уловить главное — понимание соавторами фильма человеческой природы. Представляется, что фильм являет собой прецедент действительно глубокой постановки проблемы национального характера и его связи с традициями культуры. Присмотримся внимательно к поступкам героев и отношениям между ними.

Идет гражданская война между белыми, красными и многочисленными бандами. Глава многодетного еврейского семейства Ефим (Ролан Быков) с раннего утра до позднего вечера занят нехитрым ремеслом (скобянщика?), однако его заработка едва хватает на содержание бедного домика и скромное пропитание семье: «Что думает Господь? На завтрак — картошка, на обед — картошка, на ужин — картошка...». В непрерывных заботах — стирка, готовка, купание детей — протекает день жены Ефима Марии. Но трудности отступают на задний план, когда вертятся вокруг милые ребятишки, когда вечером Ефим возвращается домой и остается наедине с Марией. Сцена, когда Ефим нежно и неторопливо моет ноги жене, смотрит ей в глаза и говорит о любви, полна неизъяснимого очарования. Обоим жизнь в радость.

Их дети — плод искренней любви и главный предмет внимания и тревог, но и чужие дети вызывают в них сочувствие и стремление помочь. Когда комиссар Вавилова признается Марии, что пыталась прервать беременность («извести» ребенка), та приходит в ужас: как можно не радоваться рождению малыша?! Супруги добросовестно готовятся к знакомому им делу — родам: кровать ребенка, чистое белье матери, и, наверное, Ефим почти так же, как Марии, сопереживает Вавиловой в ее родовых муках.

Трепетная любовь между супругами и любовь к детям, участливое отношение к ближнему (в данном случае

к комиссару), совершенно очевидно, присущи не только этим людям. Они лишь олицетворяют склад характера, образ жизни, менталитет, веками передававшийся из поколения в поколение и восходящий к любви «заветной», к Торе. Не случайно фоном, на котором разворачивается сюжет, являются еврейские молитвы старой матери семейства. Поэтичная сцена объяснения в любви — Ефим говорит о своей любви Марии — вызывает в памяти слова из Песни Песней царя Соломона, а любовь к детям напоминает о благоговейном отношении к ребенку в традиции веры Моисеевой. Ведь одним из ключевых событий священной Книги было отлучение Иоакима от храма, пока не было у него детей от любимой жены Анны, поскольку в этом усматривалось отсутствие Божьего благоволения, и только рождение Марии вернуло Иоакима в храм.

Взаимная любовь в семье, роде, народе исторически становится непреходящей ценностью иудейской культуры, задает направленность ее развития и исторически формирует фундаментальную черту национального характера. Истоком ее была религия.

А что же комиссар? Не тем ли объясняется ее жестокость, что в классовой борьбе она забыла о Боге... Забыла? Да и всегда ли она бескомпромиссно жестока?

В мученьях родив сына, Вавилова заботливо его выхаживает, пеленает и кормит, поет колыбельную. И Мария, слушая через стенку ее пение, говорит Ефиму: «Ты посмотри, как она заботится о нем, как хорошая еврейская мать...». Символом единения в материнской любви русской и еврейской культурной традиции в фильме стало одновременное исполнение русской и еврейской колыбельной, гармонично дополняющих друг друга. Материнская забота о достойном будущем сына толкает Вавилову на поиски храма, где можно было бы окрестить ребенка, и только безуспешность поисков в разрушенном войной городке заставляет ее отказаться от исполнения

этого замысла. Значит, Бог не умер в душе комиссара: незыблемая православная традиция крестить детей на-помнила ей о Боге.

Как же могла она оставить малыша, отчего не оставила ее любовь к сыну? Ответ на этот вопрос, вероятно, надо искать на путях осмысления существа христианской любви и ее отличий от любви ветхозаветной. Любовь Христа к человеку и человечеству подвигает его принять смерть на кресте — быть Спасителем. Любовь Богоматери к Сыну требует от нее принять Его жертву: любовь христианская — любовь жертвенная. Ради утверждения ее истинности принимали мученическую смерть первые христиане, и их поступки, пожалуй, впервые в истории культуры демонстрировали правомерность предпочтения смерти перед жизнью, подавали пример нравственного достоинства в смерти. Из поколения в поколение формировалась в христианах ценностная ориентация на самопожертвование во имя ближнего и дальнего, входила в плоть и кровь христианских народов. С разделением христианства на конфессии трансформировалась, варьировалась и христианская любовь. Это чувство распространялось за пределы чисто духовных ценностей, всё более принимая тварный мир, телесность человека, бытие природы. Однако ортодоксальное христианство — православие — более других конфессий сохранило ориентацию на противопоставление мира горнего миру дольнему, самоотверженность и готовность отдать жизнь за утверждение высших ценностей. Смерть во имя грядущего воскресения осталась в православии кульминацией среди всех других религиозных событий, и главный праздник — Пасха. Русский народ был традиционно православным до петровских реформ, но и после Петра I религиозные догматы сохранили свою власть над людьми, под их влиянием формировались соответствующие черты национального характера. Как не без сожаления сказал о России Пушкин: «У нас любить умеют только мертвых...».

Комиссар Вавилова — плоть от плоти своего народа: смысл жизни для нее — борьба за светлое будущее всего человечества, за счастье всех людей. «За это, — говорит она Ефиму, — и умереть не жалко», за это она идет сражаться на фронт, за это она жертвует своей любовью к сыну, за это — в том числе, для защиты семьи Ефима — она готова идти на смерть. «Умереть! — восклицает Ефим. — А жить когда?!» «Хороший ты человек Ефим, но частник», — подытоживает разговор комиссар. И оставляя «частнику» сына, она знает, что к нему в этой семье будет не меньше внимания, чем к родным детям.

Сюжет фильма задан столкновением культурных традиций, носителями которых являются главные герои, различием национальных характеров, каждый из которых обладает своими достоинствами. Оба героя по-своему вызывают сочувствие и имеют свою «правду». Пользуясь определениями Л. Толстого в отношении Пьера Безухова и Андрея Болконского (оставим пока в стороне толстовскую интерпретацию этих героев), можно сказать, что жизнелюбивый образ Ефима несет в себе «правду жизни», образ самоотверженного комиссара — «правду

смерти». И фильм не предлагает однозначного ответа на вопрос, какая правда вернее. Не подвергая сомнению истину и поэзию «правды жизни», мы не можем отрицать и «правду смерти», которая ценой бесчисленных жертв и самоотречения вела русский народ к победе во многих войнах. Становится понятным ключевое значение образа Богородицы с младенцем в первых кадрах фильма — полк на марше под грустную русскую песню проходит мимо скульптуры Девы Марии, которая одновременно символизирует Родину-мать, благословляющую своих сыновей на смертный бой.

По существу, фильм кроме прочего подразумевает вопрос: как, признавая христианскую «правду смерти», не отрешить православных русских от стремления к «правде жизни». Не случайно такой вопрос возник и у Л. Толстого: его духовные поиски направлялись стремлением приблизить православную веру к жизни человека, и на этом пути к обновлению православия он пришел к конфликту с церковными властями. К этой теме мы еще вернемся.

Советские идеологи не приняли фильм А. Аскольдова отчасти и потому, что в те годы в стране усилился антисемитизм (а образ еврейской семьи был волнующе привлекателен), но в первую очередь потому, что национальный характер героев был показан в обусловленности религиозно-культурной традицией, в том числе, и характер комиссара. А она по своей идейной принадлежности вообще должна была бы занимать позицию непримиримого атеизма. Парадокс, однако, заключается в том, что и сама требуемая большевистской партией непримиримость, даже жестокость, проявляемая комиссаром, оказывалась заданной религиозно-культурным наследованием православия.

Фильм Александра Аскольдова «Комиссар» выбран в данной статье как прецедент глубокого художественного осмысления национального характера, а потому может служить примером подхода к его анализу. Попытаемся понять в этом ключе и другие общепризнанные черты русского человека.

Как уже говорилось, поразительная в русском народе готовность к самопожертвованию имеет своим историческим истоком веру в спасение души и посмертную жизнь в Раю как награду за смерть ради ближнего. Пасха, Успение Богородицы — важнейшие события в православии. Но одновременно такая готовность к самоотречению связана и с тем, что важнейшей составляющей православного образа жизни была и остается соборность, полагающая, соответственно, безусловный приоритет единых для христианской общины установлений и суждений для каждого прихожанина. По существу, действительным субъектом православной культуры является собор, и личность постольку участвует в культуросозидании, поскольку отождествляет себя с общиной. Личность не воспринимается в ее самодостаточности, а только как часть целого, и смысл ее существования лишь в беззаветном служении общему делу. Однако самоотверженность и бескорыстная радость за других стали такими же закономерными следствиями в формировании русского характера, как и готовность отказаться от личного мнения в пользу общего, отсутствие уважения к личности в ее самоценности. Не случайно в советской России легко привился коллективизм как основополагающий принцип организации социалистической культуры, требующий беспрекословного подчинения личности коллективу.

Нетерпимость ко всему, что оценивается как неправильное, несправедливое, в национальном характере сочетается с мягкостью и сердечностью по отношению к ближнему, не ведающему греха (и, конечно, к ребенку!). В этом смысле можно констатировать своеобразную контрастность русской души, определяемую не знающим полутонув, абсолютным противопоставлением добра и зла, которое отражает сохранение неизменной веры в противостояние мира горнего и дольнего, божественного и человеческого.

Истовость религиозного чувства, явленного еще в средневековой иконописи, несла в себе свет духовного

отрешения от земных радостей. Глубокая серьезность такого умонастроения, поддерживаемая церковью ссылками на пример Христа, который «никогда не смеялся», должна была пронизывать все сферы христианского бытия. Но, как блестяще показал М. Бахтин, исторически христианская культура вообще могла сохранить свое существование, только произведя формы компенсации аскетизма — карнавальные празднества, гротеск церковного канона, образовавшие народную смеховую культуру [1]. В России, как и в средневековой Европе, реальная жизнь христианина то протекала в храме, где была проникнута суровой мыслью о неизбежной смерти и наказании за грехи, то выплескивалась на базарную площадь, где напряженность религиозного сознания разряжалась хохотом, не знающим границ благопристойности. За стенами храма стихией собственно мирской жизни оказывалось разгульное веселье, легко переходящее в пьянство, драку, дебош. Объяснение такого контраста поведения русского человека отлилось в народном сознании поговоркой: «не согрешишь — не покаешься», а значит, не спасешься. Таким образом, и в этом случае речь идет о приоритете религиозных ценностей.

Соответственно это полагало неколебимую веру в Божий промысел о каждом человеке: волос с головы не упадет без воли Божьей; принимать все выпадающие в удел человеку беды и неурядицы следует с покорностью, не ропща. Смирение, достигаемое молитвой, становится для русского человека безусловной нравственной целью и чертой характера.

Сосредоточенная устремленность православного сознания в трансцендентный мир обесценивала значимость материальных благ, более того, забота о телесном состоянии верующего, в том числе о здоровье, или чистоте вызывала подозрение в истовости веры. Неухоженность тела, пренебрежение к быту стали неизбежными спутниками образа жизни русских людей допетровского времени, но и реформы Петра Великого не изменили в корне отношения православных к телесной жизни человека.

Молитвенное созерцание, отшельничество остаются на протяжении многих веков в России значимее и предпочтительнее деятельности в миру. Более того, под сомнение ставится сама ценность труда: народным героем остается человек, не испытывающий склонности к работе, — Иван-дурак.

Многочисленные поговорки на тему «работа — не волк, в лес не убежит»; народные сказки, в которых положительный герой — лентяй, передвигающийся по улице, лежа на печке («По щучьему велению»); авторские сочинения в народном духе, в которых умным и работающим старшим братьям предпочитается младший, поскольку «вовсе был дурак» (П. Ершов «Сказка о Коньке-Горбунке») — свидетельство того, насколько глубоко проникло в национальное сознание небрежение к обустройству в земной жизни и соответственно к труду для его достижения. Решение всё же возникающих проблем с жизнеобеспечением литературных героев непременно осуществлялось силой волшебства. Труд — физический или

умственный — не заслужил уважения в русской культуре. Отсюда и пресловутая русская леность, объясняемая с материалистических позиций лишь тяжестью и чуждостью крепостнического труда, которая была свойственна не только крестьянству. Как отличительная черта русского дворянина она была блестяще описана Гончаровым в романе «Обломов».

Разумеется, наши недостатки являются продолжением наших достоинств, и наоборот. Предпочтение в русском народе созерцательности и праздности перед деятельностью немало способствовало развитию воображения и смекалки. Именно эти качества позволяют сказочному Ивану-дураку в конце концов стать успешнее своих рассудительных братьев, а реальному человеку — находить нетривиальные решения. «Праздность — мать всех наук», и способность к творчеству также стала чертой национального характера, хотя она не могла быть широко затребована в культуре России.

Размышляя о характере русского человека, его достоинствах или недостатках, нельзя не увидеть на них следы тысячелетнего пребывания христианской ортодоксии в культуре России. Современная культура и цивилизация тем не менее делают этому характеру решительный вызов, ожидая в ответ искренней заинтересованности и ответственности в выполняемой работе, в профессии; отстаивания личной точки зрения, даже если она расходится с мнением коллектива, корпорации, государства; гибкости и мобильности в разрешении конфликта противостоящих сторон; признания ценности личностного существования в единстве духа и тела. Нельзя не отдать должного петровским инициативам научить русского человека жить по примеру Западной Европы: уметь на время отвлечься от молитвенной серьезности, приличествующей лишь на пороге смерти, воспитывать в себе способность радоваться жизни, сохраняя собственное достоинство и благорасположение к ближнему. Исконная русская культура проросла светскими формами, сообщая недостающую целостность человеческому бытию. Православная традиция готовила человека достойно умереть, светские формы культуры, учреждаемые Петром, пробуждали потребность достойно жить.

Корректировка социокультурной ориентации в России, начатая Петром и остро востребованная сегодня, в Западной Европе явилась, однако, плодом трудной, порой трагической, двухтысячелетней истории христианской культуры, в которой первое тысячелетие в основном также приходится на ортодоксию, и черты характера становящейся европейской культуры по существу не отличались от русской православной.

Средневековая культура «безмолвствующего большинства», по определению П.С. Гуревича, в XI веке разделилась на православную и католическую. В первой из них законсервировались общие черты раннего христианства, а во второй, казалось, совсем немного изменился символ веры: Дух Святой исходит не только от Бога-Отца, но и «от Сына» («филиокве») [2]. Вместе с тем это означало признание Божественности Христа в единстве

его духовно-телесной природы и сделало главным праздником приход Христа в тварный мир — Рождество. Как общепризнано сегодня в культурологии, такая поправка к христианскому символу веры послужила началом реабилитации телесности в католической культуре — Христа, что отразилось в установлении в XIII столетии Праздника Тела Господня, а значит, и человека как Его подобия. Христианин, тело которого подобно телу самого Христа, не может проявлять к нему небрежения, но должен позаботиться о поддержании в нем сил и жить для добросовестного служения Господу. В католической Европе вполне богоугодным поэтому становится занятие ремеслом не только для нужд церкви, но и для жизни человека. Начинается возрождение забытых со времен античности

«искусств» хлебопечения и виноделия, ткачества, строительства, земледелия — словом, обустройство земной жизни людей, которое потребовало от них трудолюбия. Вместе с этим и человеческая мысль выходит из подозрения у веры, и «истина откровения» дополняется «истиной разума». Именно в католической традиции один за другим возникают университеты, и начинается развитие наук, среди которых особое место отводится медицине.

Отражением этих тенденций в схоластике, как известно, стал нарастающий интерес к логике, а затем и к физике Аристотеля, поскольку именно в его философии исходным является понятие «индивидуум», а главное — человеческая индивидуальность рассматривается в единстве идеального и материального. Фома Аквинский, представивший впервые христианское мировоззрение в категориях Аристотеля, по существу, предопределил необходимость обращения к Античности и ее нового осмысления. Ренессанс античной культуры, имевшей, по определению А.Ф. Лосева, пластический характер, оказался, таким образом, закономерным следствием исторической трансформации христианства в католицизме [3]. Эта эпоха с полной очевидностью демонстрировала результаты определенной «переоценки ценностей» христианства — переориентацию с чисто духовных ценностей (трансценденции в молитвенном созерцании), абсолютно доминантных в ортодоксии, на целостность духовной и телесной жизни, признание мышления человека подобием Божественного разума. Ренессанс стал знаковой вехой разделения Европы на восточную (православную) и западную (католическую), в каждой из которых определились отличающиеся системы ценностей и, соответственно, различные условия для формирования национальных характеров.

Реабилитация телесной жизни человека и его разума продолжилась критикой всевластия католической церкви и ограничения индивидуальной свободы, а в конечном счете привела к Реформации христианства, устами Лютера провозгласившей «спасение личной верой», утверждавшей права на личностное проявление представителей всех сословий в различных видах деятельности. Тем самым получила религиозное освящение значимость личностного начала во всех формах культуры. Более того, приняв мирскую аскезу наряду с монашеской, Реформация, по существу, сделала человека лично ответственным перед Богом не только за спасение души, за свою жизнь, но и за свой труд, который безусловно должен был нести благо ближнему. Нравственно-религиозное освящение труда нашло отражение в обосновании Ф. Бэконом научно-технического прогресса, а в педагогике Д. Локка преломилось в кодекс честного ведения дел джентльменом — в этику бизнеса. Протестантизм, по определению М. Вебера, стал этической основой формирования частной собственности и рыночных отношений, полагая честность их участников [4].

Реформация в целом усилила также демократические настроения, поставив на повестку дня необходимость обоснования прав каждого гражданина на частный интерес в предпринимательстве, на участие в избрании государственного управления, на собственную точку зрения в науке, морали, искусстве. Продолжая эту тенденцию, Новое время делает приоритетной ценностью человеческую личность, начинается период интенсивного развития науки, техники, искусства, создается новый тип культуры — инновационной, резко разошедшейся с православной традиционной культурой. Плодом этой

эволюции христианства стал и новый тип человека в Западной Европе — трудолюбивый, ответственный, независимый в суждениях, уважающий человеческое достоинство в себе и других.

Деятельность Петра I, без сомнения, отвечала задаче ввести Россию в общий круг европейских культур и изменить характер русского человека. Причем, если XVIII век в России еще был отмечен подражательностью, то в XIX веке в области науки и искусства страна стала вровень с Западной Европой, а в начале XX века начала ее во многом опережать.

Сама возможность органического синтеза русской и западно-европейской культур свидетельствовала о том, что единый духовный исток — вера в учение Христа — делает различия между христианскими конфессиями второстепенными. Напротив, использование православным сознанием новаций в культурах католичества и протестантизма чрезвычайно плодотворно. Можно сказать, что в этом случае начало христианской культуры смогло обогатить себя возможностями своего будущего имманентного развития.

Нельзя не отметить, однако, что плоды такого синтеза возрастали лишь в довольно узком кругу европейски образованных людей. Петровские реформы после смерти царя не получили необходимой поддержки, а в 1917 году наметившаяся тенденция на единение с Европой была уничтожена революционной стихией. В России в массовом сознании сохраняло силу православие, в котором светская культура и научно-технический прогресс не имеют внутреннего обоснования и воспринимаются как чуждые русскому духу. Более того, начавшая приживаться на русской почве западноевропейская культура не получила в православном сознании нравственных критериев (аналогичных протестантизму), и бизнес приобрел аморальный характер, а творческие поиски были подчеркнута индивидуалистичны, что усилило их неприятие широкими народными слоями. Октябрьская революция, по существу, произвела поворот к исконному православному сознанию, предполагавшему единство соборности (общинности) с самодержавием (диктатурой вождя) под маской коммунистической идеологии — религии без Бога. К концу XX века социализм в России завершил свое существование, но религиозно-культурная традиция на протяжении многих и многих поколений формировала душевный склад человека, образ жизни, менталитет и в конечном результате определяет характер народа и тогда, когда религия утратила приоритет в обществе. Характер советского человека, как и нашего

современника, воспроизводит в основных чертах характер православного русского со всеми его достоинствами и недостатками.

Сегодня в России укрепляется православная вера, и одновременно со всей остротой встает вопрос о формировании гражданского общества и правах человека, о культуре, в которой и материальный пласт имеет нравственное обоснование в религии для широких масс, о воспитании трудолюбия и ответственности. Однако, как показала история, это невозможно просто перенять из опыта западноевропейской культуры, поскольку истоки ее становления, как уже было сказано, — в эволюции христианства. Фундаментальные проблемы в современной культуре России, вероятно, нельзя решить при помощи поверхностной модернизации. Решение следует искать там, где его провидели священники и философы второй половины XIX и XX веков (Вл. Соловьев, Н. Лосский, С. Булгаков, А. Мень) — в обновлении православия на путях сближения с католицизмом и протестантизмом. Как заключает Вл. Соловьев, христианство на протяжении истории последовательно открывало одну истину за другой: «истину веры», «истину разума», «истину жизни», и только в этом всецелом соединении осуществляется истина Христа, направляя всю многообразную деятельность человека, воплощаясь во все формы духовной и материальной культуры [5, с. 46]. Православие остается сосредоточенным на «кистине веры». Однако «восточное начало — страдательная преданность вечному и божественному, — писал Вл. Соловьев, — и западное начало — самодеятельность человека (через власть и через свободу) найдут свое единство и свою правду в самодеятельном и свободном служении всех человеческих сил божественной истине» [5, с. 74]. Только признание значимости всех трех христианских истин, несомых совместно православием, католицизмом и протестантизмом, вероятно, может благотворно повлиять на характер русского человека и сделать его плодотворным субъектом современной культуры.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М., 1990.
2. Гуревич П.С. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М., 1990.
3. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. — М., 1982.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения. — М., 1990.
5. Великий спор и христианская политика / О христианском единстве. — М., 1994.